

И Хуай взял полотенце, сел на небольшой диванчик и начал вытирать волосы. Ань Фан, сидя на кровати, наблюдал за его движениями; в его сердце что-то ёкнуло. С очень серьёзным выражением лица он сказал:

— Прежде чем говорить о деле, я должен извиниться перед тобой. Я причинил тебе боль.

И Хуай быстро вытер волосы и, услышав слова Ань Фана, бросил полотенце на другой прикроватный столик. На его лице не было ни тени эмоций.

Он сидел под светом лампы. Тёплый жёлтый свет падал на его лицо, половина которого скрывалась в тени. Его челюсть была напряжена до предела, что выдавало внутреннее состояние хозяина.

Ань Фан глубоко вздохнул.

— Линь Чицин, это имя... Ты спрашивал меня о нём, когда Чи Чжэн прислал мне сообщение.

Произнеся это имя, Ань Фан заметил, что И Хуай на мгновение замолчал. Лишь спустя некоторое время он услышал короткое «угу» в ответ.

Ань Фан внимательно смотрел на И Хуая. Необъяснимое чувство диссонанса охватило его. Он не мог точно выразить, что это было, но в глазах И Хуая он видел лишь глубокую, неподвижную воду, без малейших эмоциональных всплесков.

Изначально Ань Фан сидел на кровати, но после паузы он спустился и сел рядом с И Хуаем.

Теперь оба они оказались под светом лампы, и Ань Фан мог яснее видеть выражение лица И Хуая. Он заставил его смотреть на себя.

Только много позже он понял, насколько важным был этот жест в ту ночь. Если бы не он, он мог бы потерять И Хуая, человека, которого любил больше всего.

Глаза Ань Фана были полны серьёзности, даже больше, чем ожидал И Хуай. Ань Фан нахмурил брови:

— История между мной, Линь Чицином и Хэ Сичуанем слишком сложна, И Хуай. Я не знаю, как её объяснить.

Возможно, искренность в глазах Ань Фана смягчила И Хуая. Его тёмные глаза наполнились теплом, и он протянул руку, чтобы коснуться лица Ань Фана. В этот момент И Хуай, казалось, наконец расслабился.

— Ты можешь говорить медленно, — произнёс он, глубоко глядя на Ань Фана.

Ань Фан был смущён таким серьёзным взглядом, но, решив рассказать всё, он не колебался. На его лице появилась лёгкая улыбка, но в ней не было ни капли радости:

— Это долгая история...

Каждое событие, каждое переживание, каждая возможность в жизни оказывают на человека определённое влияние. Эти влияния не всегда проявляются сразу, но они постепенно меняют человека, оставляя след.

Поэтому несколько лет назад Ань Фан был совсем другим.

Ещё до окончания университета он подписал контракт с медиакомпанией «Синъюй», которая в то время быстро развивалась. Для выпускника театрального института это было большим успехом, и Ань Фан считался настоящим везунчиком.

Однако в то время его состояние было ужасным. Он прогуливал занятия, заваливал экзамены и чуть не лишился диплома. Единственной причиной, по которой он не участвовал в драках, был его сосед по комнате, который пользовался уважением в университете и всегда заботился о нём, так что никто не осмеливался его трогать.

Именно в таком состоянии Ань Фан встретил Линь Чицина.

Было около пяти-шести утра, на улице почти никого не было. Ань Фан, пьяный, шёл обратно в университет. Настолько пьяный, что не заметил, как упал на землю. Пустая улица не была заполнена людьми, и он лежал на земле, не в силах подняться, его рука беспомощно тянулась в тумане, создавая жалкую картину.

Линь Чицин должен был вечером присматривать за студентами на самоподготовке, поэтому вышел пораньше, чтобы купить корм для своего кролика по имени Дабай.

Свежей моркови он не нашёл, зато подобрал человека.

Линь Чицин, вероятно, принадлежал к тем людям, которые от природы не склонны к глубоким размышлениям. Увидев безобидное лицо Ань Фана и не сумев его разбудить, он решил совершить доброе дело и забрал его домой.

Когда Ань Фан очнулся, он увидел мужчину в громоздких очках, который с беспокойством сидел рядом с ним. В его сердце что-то дрогнуло.

Мужчине было около двадцати четырёх-пяти, с круглым детским лицом, которое делало его моложе. Ань Фан, только что очнувшийся после пьянки, страдал от головной боли, но в лице мужчины, сидящего у кровати, он увидел тень своего покойного отца.

Он поблагодарил его, но Линь Чицин оставил глубокий след в его сердце, даже если для него это было лишь проявлением доброты. Для человека, находящегося на грани отчаяния, спасение может быть очень простым.

Именно благодаря этой случайности Ань Фан смог вырваться из своего упадочного состояния.

Увидев в Линь Чицине тень отца, он вспомнил о нём и почувствовал ещё большее раскаяние за годы самоотрицания.

— Он спас меня от пропасти самоотрицания. Хотя это был непреднамеренный поступок, я всё равно благодарен, — тихо произнёс Ань Фан в тишине комнаты. Никто не ответил.

Это было начало банальной истории, но не конец клишированного сюжета. Ань Фан не влюбился в Линь Чицина, как это могло бы случиться в типичной истории.

— В то время я жил в одном общежитии для стажёров с Хэ Сичуанем, на одном этаже. Так мы и познакомились. К сожалению, Чицин не видел истинного лица Хэ Сичуаня, и в тот момент, когда я меньше всего ожидал, Хэ Сичуань он... — Ань Фан не договорил. Его выражение лица резко изменилось, он с болью закрыл глаза, скрывая красноту.

И Хуай внимательно смотрел на Ань Фана, протянул руку и разгладил его нахмуренные брови.

Пальцы И Хуая были тёплыми, и Ань Фан, словно обессиленный, опёрся на его плечо, глубоко вздохнув.

Действия И Хуая успокоили его:

— Чицин был геем, и он всегда боялся этого... Пока не встретил меня, потому что я познакомил его с Хэ Сичуанем. Хэ Сичуань в то время не мог иметь отношений с кем-либо, он боялся смерти, боялся, что у других есть болезни, и Чицин стал его лёгкой добычей.

— Бедный Чицин, он был так плотно обёрнут сладкой ложью Хэ Сичуаня, что, когда узнал правду, это стало для него настоящим ударом.

Ань Фан слабо опёрся на И Хуая, глядя на него с серьёзностью:

— Я никогда не чувствовал такой вины, кроме как из-за него и из-за тебя.

Ань Фан сделал паузу, его красивые глаза, похожие на цветы персика, казалось, светились. И Хуай был немного очарован этим взглядом, но оставался спокойным.

— Но ты любил его?

— Любил, — Ань Фан на мгновение задумался, но не стал скрывать.

Линь Чицин был таким тёплым человеком, что его трудно было не любить.

Небо начинало светлеть, за окном стоял лёгкий туман. В последнее время погода стала теплее, и наконец появилось несколько солнечных дней. Недавно запретили запускать фейерверки, но работа уборщиков от этого не уменьшилась. Ранним утром, кроме редкого шума колёс, раздавался только звук метлы, скребущей по асфальту.

Ань Фан зевнул и повернулся, просыпаясь на большой кровати, обвившись вокруг И Хуая. И Хуай ещё спал, и Ань Фан, прищурившись, с некоторой агрессивностью смотрел на его спящее лицо.

И Хуай не был красавцем, но он был привлекательным. Его глаза, когда открыты, были острыми и серьёзными, но когда закрыты, они казались завораживающими. Из-за холода они не надевали пижамы, и их кожа соприкасалась. Ань Фан вытянул шею, прижавшись к плечу И Хуая, а одеяло соскользнуло с его плеча, обнажая белую кожу, покрытую следами поцелуев.

В обычной ситуации у любого мужчины была бы естественная реакция, но после вчерашней ночи ему было не до того. Вспомнив вчерашнее, он с удовлетворением прищурился, зевнул и, чувствуя холод, ещё глубже зарылся в объятия И Хуая.

Его движение было слишком резким, и И Хуай проснулся. Ань Фан ещё не успел закрыть глаза, как встретился с его глубоким взглядом.

Он лежал в его объятиях, рука И Хуая лежала на его талии. И Хуай опустил взгляд и увидел красивые глаза Ань Фана, его покрасневшие губы и растрёпанные волосы — всё это казалось таким знакомым. В последнее время их жизнь была хаотичной, и казалось, что прошло много времени с тех пор, как они просто спали вместе после страстной ночи.